

1

3

1965

Молдавия

Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й

З Е Р Г А И Д Ж А Е

А

Рассказы

Мир ДЖАЛАЛ

КАЖДОМУ СВОЕ

Ничего не может быть хуже, чем потерять авторитет. Никому не желаю оказаться в таком смешном и жалком положении. Пользоваться почетом, уважением, а потом вдруг чувствовать себя никому не нужным... Нет, это горе, и горе тяжелое.

И добро бы еще человек заслужил это. А ведь бывает и так, что он, как говорится, ни сном, ни духом...

Взять хотя бы моего друга, о котором я хочу рассказать. Кстати, вы все его хорошо знаете. Уж он-то ничего предосудительного не совершил, и все-таки лишился авторитета. И на работе, как будто, всегда умел сохранять достоинство, а поди ж ты...

Но буду откровенным до конца, назову его имя. Слава аллаху, Мадата Ахмедова знают все. Это замечательный хлопковод, один из лучших в районе.

Вы вправе спросить, как же такой человек мог потерять уважение окружающих? А все потому, что вмешивался не в свое дело. По правде говоря, сам он не очень в этом виноват. Это все—дело рук председателя нашего районного исполкома. Как только Мадата Ахмедова стали хвалить за высокие урожаи и ставить в пример, председатель по всем вопросам стал советоваться только с ним и ни с кем больше.

Например, подготовили проект строительства районного Дома культуры. Когда обсуждали, председатель никому не дал слова. Разложил чертежи перед Мадатом, тот что-то начеркал, и председатель со всем согласился. А архитекторы остались в стороне!

В другой раз, когда в райцентре устанавливали памятник Физули, председатель торжественно спросил:

— Дорогой Мадат, как ты думаешь, Физули должен быть в папахе или без нее? Скажи-ка скульпторам, пусть работают...

Мадат огляделся по сторонам, и сказал:

— Пожалуй, в папахе жарко, лучше без папахи. И вообще папаха — пережиток прошлого!

И опять художники и скульпторы остались в стороне. Председатель безоговорочно встал на сторону Мадата. Мнение хлопкороба решило судьбу памятника великому поэту.

И, конечно, все, кто сначала относился к бригадиру и председателю

исполкома с уважением, теперь стали посмеиваться. А председатель продолжал в том же духе. В районе должны были строить большую электростанцию. И тут председатель решил посоветоваться с бригадиром хлопкоробов. «Это всеми уважаемый человек. С ним считаются, как он скажет — так тому и быть».

Вообще, надо сказать, что у председателя нашего райисполкома престранный характер. Глядишь, вдруг приглашает повара и спрашивает, как нравится ему проектного здания? У певца может спросить о моде, у бурового мастера — о мелодии, со слесарем будет обсуждать дела газеты. А попробуйте сказать ему, что у каждого человека своя специальность и только в своем деле он как следует разбирается, махнет рукой и, гордо вскинув голову, ответит:

— Это раньше так было. Теперь наши люди, стали грамотные, во всем хорошо разбираются. Вот возьмите меня, например. В какой специальности я не разбираюсь? В каком деле не мастер?

Так он сделал из бригадира человека всезнающего, святого, во всем с ним советовался и соглашался. Если теперь у кого-нибудь появится под мышкой чирей, люди говорят: никакого врача звать не надо, посоветуйтесь с бригадиром хлопкоробов.

Бедняга Мадат стал всеобщим посмешищем. Да и работать стал хуже. Дутая слава, — она ведь впрок не идет.

Потерянный авторитет обратно не выклянчишь.

Что с воза упало, то пропало. Так говорят в народе.

ПИСЬМА БЕЗ ПОДПИСИ

Кечиева часто можно было встретить в редакциях. Всюду он хвалился умением писать, и не прочь был печататься. Кто-то сказал ему, что самый близкий и легкий путь в литературу лежит через Союз писателей. Там, дескать, есть специальные отделы, консультанты, которые обязаны помогать начинающим.

И Кечиев в течение нескольких месяцев обивал пороги Союза писателей, но напечатать так ничего и не смог.

Драматургию он считал слишком трудной, критику рискованной, поэзию — невыгодной (уж очень много поэтов!), и потому выбрал прозу.

Каждому встречному-поперечному он читал свой первый рассказ. Слушатели изнывали от тоски, зевота сводила им челюсти, а он и в ус не дул.

Однажды после завтрака, он, как обычно, отправился к консультанту. У того было много народу. Молодой рабочий — ткач Агиль читал свой рассказ. Когда он перевернул последнюю страницу, со всех сторон посыпались хвалебные отзывы. Присутствующие единодушно рекомендовали напечатать рассказ.

В это время позвонил заведующий отделом литературного журнала. Ему коротко пересказали содержание рассказа. Он остался доволен, тепло поздравил молодого автора и попросил как можно скорее представить рукопись в редакцию, чтобы успели напечатать в ближайшем номере.

...Только Агиль вложил рассказ в конверт, как к нему подошел Кечиев. Протягивая сложенные вдвое листки бумаги, он попросил:

— Заодно вложите и это, пусть там в редакции прочтут.

Агиль согласился.

В журнале прочли оба рассказа. Первый одобрили. Второй хотели было отложить в сторону, но один из членов редколлегии, человек добрый и мягкосердечный, сказал:

— Агиль написал прекрасный рассказ, который, безусловно, порадует читателей. Но ведь он начинающий писатель, и поэтому, не все у него равноценно. По-моему, мы не должны отвергать и второй рассказ, хотя он, конечно, много слабее. Слабые стороны критики отметят, и это поможет росту автора.

Так и решили. Второй рассказ тоже попал в журнал, но автором его считали не Кечиева, а Апиля, так как Кечиев под рассказом не поставил своей подписи.

* * *

Когда журнал появился, все были удивлены, зачем понадобилось рядом с хорошим рассказом печатать какую-то белиберду? И каждый, поздравляя Агиля, говорил ему об этом. Молодой автор оправдывался:

— Второй рассказ не мой. Это ошибка.

Гапир Кечиев некоторое время отмалчивался, а потом подумал: «Люди оказали мне уважение, напечатали мое произведение, критики, чтоб помочь, покритиковали. Зачем же мне прятаться? Надо смело выйти на арену и показать свой талант...»

И он написал в редакцию письмо, поблагодарил, особенно критиков, признал недостатки. Критики, обрадованные покаянным тоном автора, снова и снова возвращались к его никудышнему рассказу, выискивали в нем черты современности, научную точность, логику развития сюжета. А Гапир радостно встречал каждую заметку о своем детище. Он забросил все дела, не пропускал ни одного литературного вечера и всюду выступал, подробно рассказывал о «положительном влиянии критики на его творчество», обещал написать новые произведения о своих современниках.

Прошло немного времени и о Гапире Кечиеве заговорили в широких литературных кругах. В секции прозы ему даже предоставили творческий отпуск. Он ушел с работы.

Гапир взял авторучку, кипу белой бумаги и, уединившись в доме творчества писателей, начал творить.

Однако дело не ладилось. Автор во всем винил повара: плохие обеды мешали его творчеству.

Жалобу приняли во внимание, повара прогнали. Тогда выяснилось, что молодой прозаик большой мастер в кулинарных делах. Он поставил условие: если его рассказы будут регулярно печататься, он согласен на общественных началах заменить повара.

С того дня обеды готовились по рецептам Гапира, а рассказы Гапира впитали кухонный дух.

В это самое время неожиданно заболел председатель Союза писателей. Его отправили на отдых в дом творчества. Узнав об этом, Гапир сказал себе: «самый момент», и отправился к больному. Он положил на стол коробку конфет, вежливо поздоровался, спросил, как себя чувствует председатель, и, высунув голову в окно, крикнул уборщице:

— Почему нет цветов? Где новые шторы?

По несколько раз на день он приходил к больному, справлялся о здоровье, проверял лекарства и в конце концов непременно заводил разговор о литературе. Председателю, который раньше знал о Гапире только понаслышке, порядком надоел этот чрезмерно заботливый посетитель. Когда к нему пришел руководитель секции прозы, он первым делом спросил:

— Кто такой Гапир?

— Кечиев?

- Не знаю...
- Есть один Гапир Кечиев. Начинающий автор.
- А что он пишет?
- Вышел один рассказ, вызвавший большие споры.
- О чем же спорят?
- Выйдет писатель из Гапира или нет.
- Разве это тема для спора?
- Да, Гапир их сам организовывает, эти споры.
- А вы что же?
- Ждем результатов.
- Какой же вывод из всего этого?..
- Гапир подал заявление в Союз.

Председатель многозначительно посмотрел на своего собеседника и покачал головой.

— Пожалуйста, пришлите мне рассказ и все, что написано о нем.

Через несколько дней в литературной газете появилась статья председателя, которая называлась: «Защищать литературу от проходимцев!»

Дело приняло неожиданный для Гапира оборот, и он решил, что нечего ему больше тратить время на писание рассказов. Надо строчить заявления в вышестоящие инстанции, «разоблачать» председателя Союза, руководителя секции прозы и критиков. На следующий же день во все инстанции полетели заявления, написанные на двух языках, отпечатанные на машинке или нацарапанные левой рукой. Гапир выступал на отчетном собрании профсоюза работников культуры, громил Союз писателей, его профсоюзную организацию, и кричал, что, дескать, они не заботятся о молодых талантах... Вот вышел его, Гапира, рассказ, появились рецензии в печати, а никто из руководящих работников Союза его не поздравил. О чем это говорит? О том, что Союз не интересуется этим важным вопросом, смотрит на это дело сквозь пальцы...

Люди все видели, все знали. Одно было не ясно: откуда человек, который полтора года назад ушел с работы и нигде не получал зарплаты, брал деньги? На что он ел, пил, посылал почту? Этого не знал никто — ни писатели, ни критики, ни читатели. Это знает один Гапир, да, может быть, аллах.

= В МАШИНЕ

В машине каждый думает о своем.

Один — о том, куда едет, другой мысленно возвращается туда, где был только что, третий — о делах, работе. А я, когда еду в машине, всегда думаю о шофере. О том, как тяжела и ответственна его работа, и что каждый, кто ее выполняет, достоин всяческого уважения. Однако на деле? Разве вы не замечали иронических улыбок, едва заходит речь о шоферах?

Эти мысли проносились у меня в голове, когда вдруг, резко взвизгнув тормозами, машина остановилась, и водитель, высунувшись в окно, закричал на высокого, хорошо одетого мужчину.

— Тебе что, жизни своей не жаль? Так хоть о моих бы детях подумал! Какого черта ходишь по мостовой, это тебе пешеходная дорожка, да? — Он махнул рукой на тротуар: — Вот дорога для вас, для людей. А мостовые для машин, для лошадей. Понял? Для лошадей и для ослов!

Мужчина покраснел, побледнел, и, растерявшись, не нашелся, что ответить:

— Что же вы так грубо...

— Потому что правда! Если взрослый человек кидается под машину, что остается делать шоферу? Задавишь ненароком, — права отберут, еще в тюрьму посадят. Думать надо!

Он немного помолчал, прибавил газу и, постепенно успокаиваясь, проговорил:

— Человеку — своя дорога, животному — своя...

Несколько минут мы ехали молча. Потом он повернулся и, словно нща у меня сочувствия, спросил:

— Ну что, я не прав? Накажи меня бог, если говорю неправду.

— Прав-то ты прав, да смотри, пожалуйста, вперед, осторожность не помешает.

Уже окончательно успокоенный, он согласился:

— Обязательно! Но что поделаешь, если поминутно выводят из терпения?

Через секунду он снова оглянулся.

— Говорят, от того, что нервничаешь, всякие бывают болезни.

— Может быть.

— Врачи говорят, я собственными ушами слышал!

— Вот и волнуйся поменьше. А сейчас стоп, приехали.

У РАДИОПРИЕМНИКА

После обеда, уютно устроившись возле радиоприемника, отец с сыном слушали передачу. В полной тишине голос диктора звучал громко и отчетливо.

Закончив передачу последних известий, диктор минутку помолчал и потом сказал изменившимся тоном:

— Уважаемые слушатели! Имя великого азербайджанского писателя Мирзы Джалила широко известно. Его изумительные рассказы, острые и смешные фельетоны читают и перечитывают по многу раз. Я хочу рассказать один случай из его жизни. Однажды в трудные для нашей родины дни газеты открыли полемику о том, что такое красота. В пространных статьях высказывались самые различные мнения. Одни говорили, что красота — в природе. Другие утверждали, что это — искусство, третьи называли красоту божьим даром. И каждый для вящей убедительности приводил примеры, цитаты. Ссылались на Гегеля, Канта, на Дидро, Руссо, Плеханова, Толстого...

Некоторое время Мирза Джалил внимательно приглядывался к полемике, потом глубокомысленные речи ему надоели, и он опубликовал в своем журнале статью в полстранички. Он написал:

«Да здравствуют наши ученые, наши умные корреспонденты! Спасибо им, что они прекрасными статьями и речами открыли нам, невежественным и неграмотным, глаза. Большое спасибо им, они объяснили нам, что такое красота! А теперь и мне хочется присоединиться к этому спору и высказать свое мнение о красоте. Я хочу сказать о том, что, по моему, красиво в нашем мире. Спрашивают, что такое красота? Красота — это если вечером, придя с работы, Мусеиб застал свою жену Нису дома, и мог бы, поздоровавшись, спросить: «Жена, ты приготовила чего-нибудь поесть?» и чтоб Ниса могла ответить: «Конечно, кюфту из телятины». А Мусеиб чтоб спросил:

— «А есть ли в лампе керосин?» А Ниса чтоб могла ответить: «Ну что, ты старик, беспокоишься, бочка полным-полна».

И чтоб Мусеиб мог пригласить своего соседа Муслима на плов, за которым они поболтали бы о том, о сем...

И чтоб Мусеиб каждый день, приходя с работы в хорошем настроении, снимал рабочую одежду, умывался, садился за стол напротив Нисы... Чтоб рабочие приглашали в гости своих соседей и жили весело и в достатке...

Нет в мире красоты, лучше этой! Вот, что такое красота, как я ее понимаю!»

Диктор умолк. Минуты две-три в комнате было абсолютно тихо. Потом сын спросил у отца:

— Папа, это рассказ?

— Нет.

— Статья?

— Нет, не статья.

— А что же?

— Жизнь... Когда вырастешь — поймешь. Не спеши, сынок.

Почему я забросил охоту

Охота — своего рода болезнь. Одни любят выпить, другие — поиграть; одни не могут пройти мимо танцплощадки, а другие обожают птиц, третьи увлекаются футболом...

А я вот пристрастился к охоте.

Почти весь свой заработок я тратил на патроны, порох, приманку. Каждую субботу я собирал сумку и отправлялся на охоту. Куда только я ни ездил! На побережье не осталось ни одной деревни, ни одного леса, ни одной долины, которых бы я ни облазил вдоль и поперек. В этих местах никто не знал, что я учитель, зато все знали меня как охотника Кязима. «Охотник Кязим только что ушел. Охотник Кязим завтра придет. Охотник Кязим был у нас в прошлом месяце...» И всюду, где бы я ни появился, меня ждал радушный прием.

Охотники бывают разные. Некоторым самое большое удовольствие доставляет пребывание на свежем воздухе. Другие сделали охоту источником заработка. А есть и такие, которые испытывают колоссальное удовольствие, истребляя волков, лисиц, кабанов...

Какое чувство руководило мной, я не знаю. По правде говоря, ни одно из тех, что я назвал выше. Если спросят, чем увлекала меня охота, я не смогу ответить. Может, виной всему купленные случайно ружья, а может, книги или фильмы. Не знаю... Однако так или иначе, я вот уже десять лет хожу на охоту. Да еще как увлекся этим! В одной комнате живу, а вторую превратил в охотничью лабораторию. Здесь можно найти все охотничьи аксессуары: и кабанью шкуру, и патронташ, и кожаный ягдташ, и волчью лапу, и рог джейрана, и птичье крыло, словом, все, что хотите.

Должен сказать, что на охоте я не думал ни о какой выгоде. Я убивал птиц, животных и порой не подбирал свою жертву. Переворачивал подбитую лисицу или зайца, проверял меткость выстрела и уходил.

Словом, я был так влюблен в охоту... И вдруг забросил ее. Спросите, как это случилось?

Эту тайну я еще никому не открывал. И не открыл бы. Но сейчас, в преклонном возрасте, я решил, что не следует уносить ее с собой в могилу. Пусть все узнают, что со мной произошло.

А произошло вот что.

Хорошо помню, была весна, конец апреля, а может быть, середина мая. Цвели деревья, благоухали поля. Я, как обычно, отправился на охоту. Вы, наверно, знаете, по левому берегу Гянджинки простирается равнина, которую называют Шейхской. Она тянется до Малого Кавказского хребта.

Тот год был очень дождливым. Колосья поднялись выше человеческого роста. Повесив на плечо двустволку, я шагал по полю. Собаки со мной не было. Вдруг, словно из-под земли, передо мной вырос джейран, ярко-рыжий, трепещущий.

— О, боже мой! — воскликнул я и, сорвав с плеча ружье, прицелился. Странное дело: джейран стоял всего в десяти шагах, пристально смотрел на меня, но не двигался с места, словно не верил, что я могу сделать ему что-нибудь плохое. Раздался выстрел, животное упало. Я услышал жалобное блеяние, слабое, как детский плач. Неужели это блеял подбитый мною джейран? Я огляделся по сторонам. Два маленьких джейраненка со всех ног бежали вверх по склону горы. Я посмотрел на убитое животное и все понял. Мать заметила своего врага в тот момент, когда дети спокойно сосали молоко. Она видела его, но не двинулась с места, чтобы дети спокойно поели. Я увидел, как судорожно дернулась в последний раз грудь подбитого джейрана, как он поднял голову, беспокойно ища своих детенышей, потом затих. Мне показалось, что в этот момент все — и земля, и воздух, и деревья кричат мне:

— Бездушный убица! Палач!..

У нас в народе есть песня:

О, охотник, не стреляй в меня,
Я олень этих гор!..

Я прожил немало лет, но никогда в жизни не испытывал такой боли как в тот раз. Я смотрел вслед убежавшим детенышам, пока они не затерялись в густой пшенице.

С тех пор я не притрагивался к охотничьим принадлежностям.

Так кончилось мое увлечение охотой.

Перевод Эльхана ИБРАГИМОВА.

